Matériaux inédits pour la biographie. Tome XI.

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ

ТОМЪ XI.

АЛЕКСАНДРЪ II

Его личность, интимная жизнь и правленіе

Сочиненіе
А. КОЛОСОВА

Berlin
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung

	м.пф.
Азіатъ. Русское правительство передъ судомъ Европы. Кенигсбергскій процессъ. Выпускъ I и II	по 2 —
Азіатъ. Русскіе шпіоны въ Германіи. Интерпелляція о русскихъ полицейскихъ шпіонахъ въ засѣданіи германскаго рейхстага отъ 19 января 1904 г.	1 20
А. Амфитеатровъ. Господа Обмановы. I—III	по 1 —
А. Амфитеатровъ. Происхожденіе антисемитизма. Часть I: Еврейство и соціализмъ. Часть II: Еврейство какъ духъ революціи. Часть III: Погромъ въ Бѣлостокѣ	по 1 —
Л. Андреевъ. Бездна. Со статьей Л. Н. Толстого и полемической литературой	2 —
М. Арцыбашевъ. Санинъ. Романъ	6 —
А. Б. За кулисами охраннаго отдѣленія. Съ дневникомъ провокатора, письмами охранниковъ и тайными инструкціями	7 50
Біографіи русскихъ революціонеровъ. В. А. Зайцевъ	1 —
Болѣзнь и смерть Александра III	— 60
Вертеръ. Очерки изъ русской революціи	— 60
В. Гаршинъ. Денщикъ и офицеръ. Изъ воспоминаній рядового Иванова. Четыре дня	1 50
Голосъ изъ русской арміи. Разоблаченія	1 —
А. Горемыка. Князь Потемкинъ Таврическій. Возмущеніе въ черноморскомъ флотѣ 29 іюня 1905 г.	1 —
Государственная Уставная Грамота Россійской Имперіи	3 —
М. И. Грантъ. Графъ Витте вчера и сегодня	1 20
26-ое Января въ Портъ-Артурѣ. Письмо капитана 2-го ранга***	1 —
Евреи въ Москвѣ. Страница изъ исторіи современной Россіи	1 —
С. Ждановъ. Три мѣсяца въ „одиночкѣ“	1 20
Избіеніе русской молодежи. Съ письмомъ П. Карповича	1 —

Matériaux inédits pour la biographie. Tome XI.

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ

ТОМЪ XI.

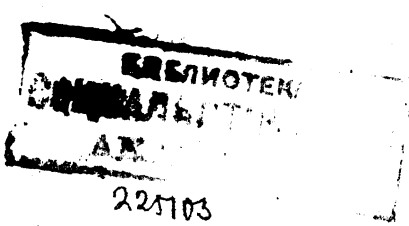
АЛЕКСАНДРЪ II

Его личность, интимная жизнь и правленіе

Сочиненіе
А. КОЛОСОВА

Berlin
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung

„Пров 38“
„Пров 40“
8
БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛЬНОЙ
АК
225103



Druck der Spamerschen Buchdruckerei in Leipzig

Введеніе.

Тишь комнаты больного не должна быть нарушена ни единымъ громкимъ словомъ. Опасливая заботливость осторожно и безмолвно хлопочетъ вокругъ больного, для котораго будто бы всякое возбужденіе столь же опасно, какъ и яркій дневной свѣтъ. Но у кровати больного сидитъ человѣкъ и читаетъ ему вслухъ изъ книги. Онъ читаетъ больному о чужихъ, но столь близкихъ страданіяхъ, читаетъ возбуждающіе и возмущающіе, а затѣмъ и сострадательно успокоительные разсказы, разсказы о нуждѣ и гнетѣ, о гибели цѣлыхъ поколѣній, о тяготѣніи и стремленіи къ свободѣ и истинѣ, о сомнѣніяхъ и отчаяніи въ возможности спасенія, о поискахъ утѣшенія въ квіетизмѣ. Беззвучно и безъ движенія прислушивается больной со своего страдальческаго ложа къ этому чтенію. Одиночество увеличило его воспріимчивость, и жадно впитываетъ онъ въ себя

каждое проявленіе жизни. Это чтеніе для него не развлеченіе, какъ для здороваго. Въ этомъ чтеніи онъ находитъ отзвукъ той жизни, которою онъ не живетъ, отзвукъ борьбы за правду и свободу, которую ему не даютъ вести. Врачъ и надзирающій персоналъ не препятствуютъ тому, чтобы больному читали вслухъ: тотъ, кто сидитъ у кровати больного, даетъ вѣдь ему не больше, какъ литературу, процѣженную къ тому же черезъ цензурное сито и снабженную государственнымъ штемпелемъ. Эта литература не нарушитъ кладбищенскаго покоя въ искусственно затемненной комнатѣ. Этотъ больной есть русскій народъ, его чтецы — великіе русскіе писатели.

Царизмъ и абсолютизмъ лишили русскій народъ свѣта и огня, словно ребенка, не умѣющаго обращаться съ ними. Царизмъ и абсолютизмъ нашли для русскаго народа настолько сильнодѣйствующее лекарство, что въ политическомъ и соціальномъ отношеніи больной подобенъ не живому еще человѣку, но остывающему трупу. Всѣ его могучіе члены словно окаменѣли, но какъ подъ верхней ледяной оболочкой сѣверныхъ рѣкъ бур-

литъ вода и стремится впередъ, унося съ собою все органически живое, такъ дышетъ и мечтаетъ и мыслитъ внутри полуостывшаго трупа нѣчто вѣчно живое и безсмертное. Его мечты и мысли имѣютъ одну цѣль, одинъ основной пунктъ: лучшее, свѣтлое будущее. Внутри живого мертвеца идетъ неустанная созидательная работа: тамъ собирается и куется оружіе, необходимое для борьбы за будущее. Неисчерпаемымъ арсеналомъ является литература, замѣняющая пока все: парламентъ и прессу, политическую и соціальную борьбу. Вотъ почему Россія не имѣетъ нейтральной литературы, не знаетъ искусства ради искусства. Вотъ почему исторія русской литературы есть одновременно исторія русскаго народа, его роста и его стремленій. Вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ молодой великанъ окружилъ себя романтической дымкой. Шиллеръ и Байронъ, Гейне и Мюссе, переведенные старательно и съ любовью на русскій языкъ Жуковскимъ и его послѣдователями, стали космополитическими воспитателями русскаго народа. Народился великій Гоголь, разъяснившій русскому народу его неразрывную связь съ

родною русскою землей и положившій начало самостоятельной національной русской литературѣ. Николаевскій режимъ тяжело придавилъ весь русскій народъ, но море штыковъ на границѣ не могло воспрепятствовать тому, чтобы лучи свѣта проникали изъ Западной Европы въ темное царство. Русскій народъ познакомился съ французскими соціалистами и нѣмецкими философами, съ Гегелемъ во главѣ. Появилась обличительная литература, и соціальное состраданіе смѣнило окончательно романтическій субъективизмъ. Народилось поколѣніе 40-хъ годовъ и долго длилась начатая ими борьба между апостолами западной культуры, какъ Герценъ и Тургеневъ, и талантливыми защитниками всего національнаго, самобытнаго и славянскаго, какъ братья Аксаковы и Кирѣевскій. Казалось, первые одержали побѣду. Александръ II реформировалъ и реформировалъ по образцу западно-европейской культуры. Тургеневъ оптимистически видѣлъ недалекое лучшее будущее и написалъ: Наканунѣ. Великій прозорливецъ Добролюбовъ отвѣтилъ сильнымъ сомнѣніемъ: Когда же наступитъ настоящій день? Герценъ будилъ

русскій народъ мощнымъ звономъ своего Колокола, но въ Россіи начался уже насильственный поворотъ назадъ. Александръ II хотѣлъ быть вторымъ Петромъ, но остановился въ нерѣшительности на полпути и повернулъ назадъ. Герценъ спросилъ уже раньше: Кто виноватъ? Русскій народъ вмѣсто отвѣта указалъ на Александра, какъ на представителя абсолютизма и опору всего реакціоннаго на пути. Чернышевскій задалъ вопросъ: Что дѣлать? Бакунинъ указалъ на динамитъ, какъ на единственное средство спасенія. Русскій народъ схватился за это спасительное средство и обратилъ его противъ того, кого онъ же назвалъ Царемъ-Освободителемъ. Александръ II палъ жертвой своей безхарактерности и своего двоедушія. Мы познакомимся ниже съ его личностью и характеромъ и съ тѣмъ, насколько они отразились на жизни всего русскаго народа, не вдаваясь въ излишнія детали и не касаясь такихъ областей, какъ, напримѣръ, внѣшняя политика, войны Россіи, развитіе литературы и т. д., гдѣ личность и характеръ Александра II не сыграли рѣшительно никакой роли.

I.

Когда Александръ Николаевичъ родился въ одномъ изъ дворцовъ московскаго Кремля, его отецъ не былъ еще не только императоромъ, но даже и наслѣдникомъ. Такимъ образомъ, въ маленькомъ Александрѣ не видѣли будущаго монарха, и только этимъ объясняется, что онъ въ дѣтствѣ и юности избѣжалъ того извращеннаго воспитанія, какое всегда получали будущіе русскіе цари. Его отецъ Николай Павловичъ горько временами сожалѣлъ, что онъ самъ получилъ вполнѣ недостаточное образованіе, и несмотря на свой суровый, деспотическій характеръ, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своего сына сколько-нибудь порядочнаго человѣка. Но полное непониманіе задачъ и хода воспитанія не дали ему возможности выбрать для сына надлежащихъ воспитателей. Такъ, военнымъ гувернеромъ маленькаго Александра былъ генералъ Мердеръ, человѣкъ въ высшей степени ограниченный, стремившійся сдѣлать изъ маленькаго принца послушнаго и исправнаго солдата, несмотря на то, что мальчику военная служба была противна. Но отецъ, ставшій

уже къ тому времени наслѣдникомъ престола, также находилъ, что его преемникъ долженъ быть раньше всего солдатомъ, и мальчикъ долженъ былъ повиноваться строгому отцу. Когда Александру было восемь лѣтъ, его воспитаніе было проучено знаменитому поэту Василію Андреевичу Жуковскому. Послѣдній выработалъ планъ воспитанія цесаревича, который по мысли Жуковскаго долженъ быть человѣкомъ образованнымъ, безъ излишняго научнаго багажа, но долженъ знать и понимать все то, что относится къ его будущей роли самодержца и царя. Особенно сильное значеніе Жуковскій придавалъ изученію исторіи, являющейся воспитательницей монарховъ въ томъ смыслѣ, что она ихъ учитъ поднимать свои народы на столь высокій уровень, чтобы законъ и порядокъ были основными началами государственной жизни и общаго благосостоянія. Свобода и порядокъ, писалъ Жуковскій, суть одно и то же. Свобода и порядокъ! Какъ прекрасно звучало это на бумагѣ! Но какъ мало могъ воспринять эти великіе принципы маленькій Александръ, видѣвшій вокругъ себя деспотическій режимъ отца, грубѣйшій произволъ его любимцевъ и

ставленниковъ, какъ равно и сплошное беззаконіе, бывшее всегда высшимъ принципомъ всей административной, полицейской и чиновной Россіи. Жуковскій не былъ тѣмъ энергичнымъ человѣкомъ съ сильнымъ характеромъ, вліяніе котораго могло бы составить въ душѣ цесаревича должный противовѣсъ всему тому, что творилось вокругъ впечатлительнаго мальчика. Такъ, напримѣръ, съ одной стороны Жуковскій превосходно уживался съ Мердеромъ, хотя съ другой стороны и протестовалъ противъ того, что мальчика заставляютъ заниматься почти исключительно военными упражненіями: народъ, вѣдь, не полкъ солдатъ и Россія не казарма. Съ одной стороны Жуковскій выработалъ свой планъ образованія цесаревича, но съ другой стороны самъ же совѣтовалъ, чтобы приглашенъ былъ еще одинъ высшій воспитатель. Россія была къ тому времени настолько бѣдна людьми, что выборъ остановился сначала на грекѣ, графѣ Каподистріи, но когда тотъ предпочелъ стать во главѣ своей родины, высшее наблюденіе за образованіемъ Александра поручено было опять таки солдату, генералъ-лейтенанту Ушa-

кову. Къ счастью для его воспитанника, сей бравый, но совершенно недальновидный и неумѣлый педагогъ не съумѣлъ пріобрѣсти ни малѣйшаго вліянія на Александра. Послѣдній былъ преданъ одному лишь Жуковскому и перенялъ отъ него вдумчивость и серьезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Но двойственность характера воспитателя отразилась и на его воспитанникѣ. Александръ всю жизнь остался человѣкомъ мягкимъ, нерѣшительнымъ, доступнымъ всякаго рода внѣшнимъ вліяніямъ и рабомъ всѣхъ своихъ внутреннихъ побужденій, всегда разнообразныхъ, временныхъ и противорѣчащихъ другъ другу.

10-го сентября 1831 г. императоръ Николай объявилъ своего сына оффиціально наслѣдникомъ престола, а 4-го мая 1834 г. Александръ, еще только шестнадцати лѣтъ отъ роду, объявленъ былъ совершеннолѣтнимъ и получилъ цѣлый рядъ весьма высокихъ, на первый взглядъ весьма отвѣтственныхъ, но въ сущности фиктивныхъ назначеній. Онъ сталъ и атаманомъ казачьихъ войскъ, и главнокомандующимъ гвардейскимъ и гранадерскимъ корпусомъ и первымъ адъютан-

томъ своего отца. Время уходило на парады, смотры и т. п. переливаніе изъ пустого въ порожнее, и занятія съ цѣлымъ рядомъ лицъ, приглашенныхъ читать цесаревичу спеціальные курсы, шли спустя рукава и урывками. Сперанскій доказывалъ юношѣ, что право остается правомъ лишь до тѣхъ поръ, пока оно покоится на правдѣ; въ противномъ случаѣ оно уже не право, но произволъ. Но какъ могло это запечатлѣться въ душѣ юноши, если данная ему власть надъ безмолвно покорными войсками была сплошнымъ проявленіемъ личнаго произвола? Графъ Канкринъ читалъ цесаревичу курсъ о денежномъ обращеніи и финансахъ, баронъ Брунновъ знакомилъ его съ дипломатическими отношеніями Россіи къ державамъ, но Николай I, любившій властвовать безгранично и безконтрольно, не давалъ возможности сыну вмѣшиваться въ какую бы то ни было область государственнаго управленія. Въ 1837 г. онъ отправилъ Александра въ сопровожденіи Жуковскаго и генерала Кавенина въ путешествіе по Сибири. Какую бы цѣль онъ ни преслѣдовалъ при этомъ, жестокій и мстительный Николай меньше всего желалъ, чтобы Алек-

сандръ вошелъ въ какое бы то ни было соприкосновеніе съ декабристами, этими величайшими мучениками земли русской. Когда Николай самъ подвергъ въ 1825 г. инквизиторскому допросу Николая Александровича Бестужева, тотъ сказалъ ему смѣло и открыто:

— Въ томъ то и все несчастье, что ваше величество можете сдѣлать все, что вамъ угодно, ибо вы стоите выше закона. Мы добивались лишь того, чтобы судьба вашихъ подданныхъ въ будущемъ зависѣла только отъ закона, но никакъ не отъ вашихъ капризовъ.

Николай выслушалъ эти слова спокойно и говорилъ позже, что во время всего своего царствованія онъ надѣется не быть вынужденнымъ выслушать столько горькой правды, сколько выслушалъ онъ отъ одного Бестужева. Красивыя, но пустыя слова! Во все время царствованія Николая вся Россія вопіяла горько къ небу о правѣ, правдѣ и законности, но приближенные Николая достаточно хорошо позаботились, чтобы эта правда никогда не дошла до его ушей. Цесаревичу во время его поѣздки по Сибири также были показаны только лишь внѣшнее благополучіе и фаль-

сифицированное общее довольство. Тѣмъ не менѣе, Александръ видѣлся съ нѣкоторыми декабристами, говорилъ съ ними, утѣшалъ ихъ и взялъ на себя роль заступника за нихъ передъ отцомъ. Николай смѣнилъ гнѣвъ на милость: нѣкоторые декабристы назначены были солдатами въ кавказскую армію, а другимъ разрѣшено было переселиться въ тотъ или другой изъ сибирскихъ городовъ. Юношѣ Александру нравилось играть роль милостиваго цесаревича: будучи назначенъ канцлеромъ Гельсингфорскаго университета, онъ принималъ мѣры, способныя нѣсколько примирить финдляндцевъ съ режимомъ его отца, нарушавшаго на каждомъ шагу финляндскую конституцію; онъ съумѣлъ достать себѣ и читалъ съ удовольствіемъ остроумные мемуары Петра Александровича Валуева, бичевавшаго русскую администрацію и чиновничество; благодаря его заступничеству были въ 1848 году помилованы приговоренные къ смерти Гергай и другіе венгерскіе инсургенты. Но и только. Николай не позволялъ сыну заходить дальше заступничества и маленькихъ просьбъ. Доказано даже, что Николай приказалъ пресловутому третьему отдѣ-

ленію слѣдить за каждымъ шагомъ Александра и доносить ему о результатахъ этого надзора. Чтобы держать сына подальше отъ Петербурга, Николай часто посылалъ его за границу съ какой-нибудь пустячной миссіей къ иностраннымъ дворамъ. Кромѣ того, Александръ объѣздилъ южную Россію, Кавказъ и Арменію. Каказось бы, эти путешествія должны были познакомить Александра съ русскимъ народомъ и различными инородцами, которыми онъ въ будущемъ долженъ былъ править, съ ихъ нравами, обычаями и образомъ жизни, но губернаторы и полицмейстеры позаботились о томъ, чтобы будущій царь узналъ одну лишь внѣшнюю, показную сторону русской жизни.

Догадываясь, что русскую жизнь старательно и сознательно фальсифицируютъ передъ его глазами, и мечтая о томъ, что такія то и такія-то стороны русской жизни должны быть реформированы, Александръ вполнѣ уже освоился съ мыслью, что раньше или позже онъ будетъ безраздѣльнымъ властелиномъ надъ всей великой Россіей, надъ всѣмъ многомилліоннымъ русскимъ народомъ. Тѣмъ болѣе глубоко и тяжело былъ онъ пораженъ, когда

его младшій братъ Константинъ сталъ предъявлять права на русскій престолъ.

— Ты, говорилъ онъ Александру, родился еще тогда, когда отецъ былъ лишь великимъ княземъ. Я же родился, когда отецъ уже носилъ на головѣ корону. Я родился въ пурпурѣ, и только я одинъ имѣю право наслѣдовать отцу.

Александръ, однако, и не думалъ, подобно своему дядѣ Константину Павловичу, уступать брату свои права на престолъ. Къ его счастью, императоръ Николай сталъ на его сторону, и умирая онъ призвалъ къ себѣ Константина, чтобы взять съ него клятву въ преданности и миролюбіи по отношенію къ старшему брату. Константинъ, дѣйствительно, поклялся однимъ изъ первыхъ въ вѣрноподданничествѣ Александру, когда нѣсколько дней спустя Николай умеръ, и его старшій сынъ подъ именемъ Александра II вступилъ на престолъ.

Невыразимо жалкое зрѣлище представляла изъ себя святая Русь, когда Николай закрылъ навѣки свои глаза, и въ весьма значительной степени все это было дѣломъ его собственныхъ рукъ. Мы не говоримъ уже о грубомъ и

свирѣпомъ произволѣ, смѣнившемъ всякое понятіе о законности, которую хотѣлъ, но не сумѣлъ окончательно ввести Александръ I. Мы не говоримъ о подкупности всего полицейскаго и чиновнаго люда вплоть до министровъ, высшихъ администраторовъ и придворныхъ вельможъ. Русскій народъ стоналъ подъ игомъ рабства, хотя бы и носившаго кличку крѣпостного права. Жители городовъ, мѣщане и купцы, были лично свободными, но покупали свою свободу дорогою цѣною платежа государственныхъ налоговъ въ казну и безконечныхъ контрибуцій — въ пользу полиціи и чиновниковъ. Никто не могъ быть спокоенъ за свою жизнь и свободу. По первому доносу, по мельчайшему подозрѣнію, по чьему-либо капризу каждый русскій гражданинъ могъ быть схваченъ, брошенъ въ тюрьму, посаженъ въ крѣпость или отправленъ въ Сибирь безъ всякаго слѣдствія и суда. Лица, забритыя въ солдаты, должны были долгихъ 25 лѣтъ носить это невыносимое ярмо. Еврейскихъ мальчиковъ насильно отнимали у родителей, крестили и готовили толпами къ военной службѣ. Да и вообще, Николай замышлялъ превратить всю Россію въ одну

сплошную казарму и создалъ пресловутыя военныя поселенія, гдѣ произволъ надъ человѣческой личностью и человѣческой свободой достигалъ своего высшаго апогея. Ко всему этому Николай втянулъ Россію ради освобожденія православной церкви, какъ онъ завѣрялъ народъ въ своемъ послѣднемъ манифестѣ, въ несчастную Крымскую войну, еще болѣе разорившую и безъ того обнищавшій русскій народъ. Тысячи русскихъ людей гибли въ Крыму и на Кавказѣ отъ вражескихъ пуль и бомбъ, десятки же тысячъ гибли вслѣдствіе недостатка провіанта и отсутствія медицинской помощи. Не было умѣлыхъ военачальниковъ, не было достаточнаго количества врачей; деньги, ассигнованныя на провіантъ и перевязочныя средства, уплывали въ карманы чиновниковъ и интендантовъ; вслѣдствіе отсутствія дорогъ нельзя было ни добраться въ Крымъ своевременно, ни подвести туда все необходимое. Что же удивительнаго, если война закончилась неслыханнымъ позоромъ для Россіи и выдвинула, наконецъ, желѣзную дилемму: окончательную гибель или неотложныя реформы. Александръ II и совѣтники его въ первые годы его царствованія были, къ счастью

для Россіи, достаточно прозорливыми, чтобы реформы предпочесть надвигающейся гибели.

Уже со дня вступленія на престолъ Александръ носился съ мыслью о томъ, какъ бы залечить глубокія раны, причиненныя Крымской войной. Началъ онъ съ реорганизаціи русской арміи. Онъ назначилъ князя Муравьева Карскаго предсѣдателемъ коммиссіи, которая разслѣдовала всѣ злоупотребленія въ арміи и воинскомъ управленіи. Результатомъ была отставка въ 1859 г. значительнаго числа офицеровъ и чиновниковъ, причемъ, какъ всегда бываетъ, пострадали лишь мелкіе воришки, а крупные воры остались на своихъ тепленькихъ и доходныхъ мѣстахъ. Кромѣ этой очистки арміи, Александръ II уничтожилъ Аракчеевскія военныя поселенія, но слабохарактерность его и двойственность сказывались и здѣсь на каждомъ шагу. Жителямъ военныхъ поселеній не стало легче отъ того, что ихъ объявили государственными крестьянами, т. е. тѣми же крѣпостными. Армія еще далеко не была оздоровлена, народъ все еще сгибался подъ тяжкимъ бременемъ расходовъ на ненасытнаго военнаго молоха, а Александръ II приказалъ еще

болѣе увеличить контингентъ солдатъ. Та же самая половинчатость была проявлена имъ и во многихъ другихъ областяхъ. 7-го сентября 1856 г., въ день коронаціи, Александръ II помиловалъ всѣхъ декабристовъ, помиловалъ тогда, когда они уже всѣ до одного стали слабыми, немощными стариками. Болѣе молодыхъ и энергичныхъ еще участниковъ т. н. Петрашевскаго заговора онъ не забылъ . . . исключить изъ амнистіи. На четыре года Россія была освобождена отъ рекрутскихъ наборовъ, что стояло въ полномъ противорѣчіи съ упомянутымъ увеличеніемъ расходовъ на армію. Съ крестьянъ милостиво сложено было на 23 милліона серебромъ недоимокъ, но это были тѣ недоимки, на полученіе которыхъ въ казну все равно не было никакой надежды. Двумя указами Александръ II разрѣшалъ бѣжавшимъ польскимъ революціонерамъ вернуться въ Польшу; онъ возвращалъ имъ всѣ права и даже разрѣшилъ принимать ихъ черезъ три года послѣ возвращенія на государственную службу, но поляки настолько мало довѣряли Александру II, что лишь весьма немногіе воспользовались этой амнистіей. Мы прослѣдимъ теперь

въ краткихъ чертахъ т. н. великія реформы, которыя были проведены Александромъ II или, вѣрнѣе, проведены неумолимымъ временемъ и лишь подписаны на оффиціальныхъ документахъ рукой Александра.

Съ 1861 г. военнымъ министромъ былъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Онъ былъ врагомъ непотизма, чрезвычайно развившагося въ русской арміи, выработалъ планъ реорганизаціи ея и началъ, конечно, съ того, что увеличилъ войско на 19 пѣхотныхъ дивизій. Образцомъ для своей реорганизаціи онъ взялъ французскую армію, казавшуюся ему верхомъ военнаго совершенства. Когда же франко-прусская война окончилась сильнымъ пораженіемъ Франціи, Милютинъ поспѣшилъ признать наивысшимъ образцомъ организацію прусской арміи и съ согласія Александра выработалъ совершенно новый планъ реорганизаціи русскаго войска. Деньги на эти эксперименты долженъ былъ дать народъ, всегда жестоко расплачивавшійся за ошибки нашихъ министровъ. Введеніе въ 1874 г. всеобщей воинской повинности означало для народа не только увеличеніе налоговаго бремени, но и огромный экономическій ущербъ, въ особен-

ности для крестьянскаго хозяйства. Молодыхъ парней въ 21 годъ, являющихся въ крестьянскомъ хозяйствѣ весьма цѣнной и необходимой рабочей силой, очень часто уже женатыхъ и имѣющихъ дѣтей, насильно отрываютъ отъ плуга на 4—5, а то и на всѣ семь лѣтъ. Городская и казарменная жизнь дѣйствуютъ развращающимъ образомъ на солдатъ, не говоря уже о томъ колоссальномъ ущербѣ, какой причиняется многолѣтнимъ бездѣльничаніемъ милліона молодыхъ и здоровыхъ людей. А русская армія даже въ мирное время равна цѣлому милліону головъ, въ то время какъ стянутые въ военное время резервы увеличиваютъ армію до двухъ милліоновъ человѣкъ. Ежегодно набирается въ солдаты свыше четверти милліона человѣкъ и ко времени набора стонъ и вопли оглашаютъ всю Россію. Величайшая же несправедливость этой всеобщей воинской повинности (которой въ сущности такъ легко избѣжать всѣмъ, кто имѣетъ деньги) состоитъ въ томъ, что даже тѣ народности, которыя лишены въ Россіи всякихъ гражданскихъ и даже человѣческихъ правъ, тѣмъ не менѣе должны отбывать воинскую повинность.

Какъ всеобщая воинская повинность введена была путемъ особаго манифеста, коимъ Александръ II взывалъ къ патріотическимъ чувствамъ народа, такъ увѣрилъ онъ себя, что сдѣлалъ очень много для народнаго просвѣщенія, когда указомъ 17-го мая 1856 г. онъ взялъ народныя школы подъ свое особое покровительство. Самъ онъ абсолютно не зналъ, что собственно нужно народнымъ школамъ, его министры и совѣтники тянули въ разныя стороны, словно лебедь, щука и ракъ, и весь поднятый шумъ окончился введеніемъ наблюдательныхъ совѣтовъ и школьной инспекціи, т. е. новыхъ путъ на народную школу, и безъ того связанную по рукамъ и ногамъ. О томъ, чтобы распространить начальное образованіе, чтобы вывести русскій народъ изъ вѣкового мрака и невѣжества, было столь же мало рѣчи, какъ и о распространеніи высшаго образованія путемъ увеличенія университетовъ и высшихъ техническихъ школъ. Но нельзя отрицать, что извѣстныя реформы въ университетскомъ дѣлѣ, хотя бы и незаконченныя и недодѣланныя, были проведены Александромъ II. Его покойный отецъ видѣлъ въ университетахъ разсадники ре-

волюціонныхъ идей и охотно закрылъ бы ихъ, если-бы не извѣстная совѣстливость передъ Европой. Александръ относился къ университетамъ не лучше; министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій казался Александру либераломъ и былъ отставленъ имъ отъ должности довольно скоро. За отсутствіемъ людей, министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ, какъ и въ наше время, бравый солдатъ адмиралъ графъ Путятинъ. Послѣдній по старческому безпамятству и умственному слабосилію счелъ профессоровъ и студентовъ за своихъ матросовъ и началъ настолько ограничивать университетскую свободу, что студенты устроили въ Петербургѣ и Москвѣ массовыя демонстраціи. Казаки, правда, одержали въ обоихъ мѣстахъ легкую побѣду надъ безоружными студентами, но Путятинъ слетѣлъ съ своего поста въ томъ же году, когда былъ назначенъ. Его преемникъ Головнинъ ввелъ два года спустя извѣстный университетскій уставъ 1863 г., болѣе либеральный, чѣмъ прежній уставъ и даже болѣе либеральный, нежели нынѣшній. И когда слабохарактерный Александръ, еще только недавно соглашавшійся на всяческія ограниченія университе-

товъ, далъ теперь свое согласіе на введеніе новыхъ, болѣе свободныхъ порядковъ, студенты не могли и не хотѣли вѣрить въ искренность правительства, измѣнившаго столь быстро взгляды и перешедшаго такъ легко отъ военной субординаціи къ университетской свободѣ. Эта была какъ разъ та эпоха, когда вся интеллигентная Россія увлекалась естественными науками, когда началось въ русской жизни то историческое явленіе, которое извѣстно подъ именемъ нигилизма. Вліятельные реакціонеры, враги всего свободнаго и либеральнаго, обвиняли министра Головнина, что атеизмъ и матеріализмъ распространились только по его винѣ. Но Головнинъ умѣлъ держаться на своемъ посту, пока случилось покушеніе на жизнь Александра, и придворные шептуны поспѣшили объявить Головнина отцомъ нигилизма. Преемникомъ его былъ некто иной, какъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, оставленный одновременно на посту оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Весьма характерно для русскихъ порядковъ было то, что графъ Толстой обязанъ былъ своимъ новымъ назначеніемъ женщинѣ, а именно графинѣ Блудовой. Эта

умная и хитрая женщина съумѣла пріобрѣсти вліяніе на императрицу и сдѣлать изъ нея послушное орудіе въ своихъ рукахъ. Будучи заклятымъ врагомъ западно-европейской культуры, графиня Блудова мечтала о томъ, чтобы славяне господствовали надъ всей Европой и православная церковь введена была чуть ли не на всемъ земномъ шарѣ. Она настроила на свой ладъ императрицу, и не только послѣдняя, но и всѣ окружающіе ее стали проявлять чрезвычайную склонность къ ханжеству. Послушная графинѣ Блудовой императрица вліяла по ея указаніямъ на своего слабохарактернаго мужа. Гоненія на лютеранъ въ остзейскихъ провинціяхъ, борьба противъ католицизма въ Польшѣ и Бѣлороссіи и т. п. были столь же дѣломъ рукъ графини Блудовой, какъ упомянутое назначеніе на постъ министра народнаго просвѣщенія человѣка, желавшаго лишь вернуть Россію къ былому мраку и невѣжеству. Хозяйничаніе графа Толстого, если не свѣжо въ памяти у всѣхъ, то оставило еще понынѣ глубокіе слѣды въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія. Онъ выдалъ народную школу съ головой во власть грубымъ, ограни-

ченнымъ и жаднымъ попамъ. Онъ ввелъ въ гимназіяхъ классицизмъ, каковой кличкой прикрывалось зубреніе латинской и греческой грамматики, насадилъ всюду въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ духъ формалистики и бюрократизма. Онъ съумѣлъ, не отмѣняя университетскаго устава 1863 г., сдѣлать его полнымъ миѳомъ. Онъ ввелъ исключеніе десятковъ и сотенъ студентовъ изъ-за малѣйшаго пустяка. Онъ горой стоялъ за то, чтобы студентовъ сотнями бросали въ тюрьмы и ссылали въ Сибирь. Что же удивительнаго, если, въ сущности, онъ былъ въ значительной мѣрѣ отцомъ нигилизма. Но Александръ ничего не замѣчалъ, ничего не понималъ, въ значительной степени довѣрялъ графу Толстому и подписывалъ безъ разбора и контроля все, что тотъ ему ни представлялъ.

Русскій чиновничій міръ былъ, да и продолжаетъ до сихъ поръ быть тѣми авгіевыми конюшнями, которыя ждутъ еще своего Геркулеса, имѣющаго достаточно силъ и энергіи, чтобы освободить русскій народъ отъ этой тучи паразитовъ, высасывающихъ изъ него послѣдніе соки. Въ Россіи всѣ чины и чиновники подкупны, начиная съ послѣдняго

полицейскаго и писца и кончая губернаторами и министрами. Все это было извѣстно Александру II.

— Въ Россіи, воскликнулъ онъ однажды, всѣ подкупны, кромѣ меня одного, и то только потому, что я въ этомъ не нуждаюсь.

Но уничтожить подкупность русской администраціи и взяточничество русскаго чиновнаго міра онъ не умѣлъ, да въ сущности серьезно и не замышлялъ. Это доказываетъ хотя бы слѣдующій фактъ: Александръ, превосходно знавшій, что Крымская война закончилась несчастьемъ въ значительной мѣрѣ вслѣдствіе грабительства интендантовъ высшаго и низшаго ранговъ, допустилъ съ легкимъ сердцемъ, чтобы подобный же безбожный грабежъ имѣлъ мѣсто и во время русско-турецкой войны. И только выносливости русскаго солдата, умѣвшаго обходиться безъ пищи, совершать походъ безъ сапогъ и спать на голой землѣ, не укрывшись даже шинелью, Россія обязана своей побѣдой надъ Турціей. Все провіантское дѣло передано было въ руки компаніи Грегоръ-Конъ-Горвицъ, которая на счетъ казны и лишеній русскихъ солдатъ, иными словами, на счетъ всего рус-

скаго народа нажила себѣ многіе милліоны. Молва утверждала, что къ этому возмутительному грабежу былъ втихомолку причастенъ братъ Александра, великій князь Николай Николаевичъ. Александръ самъ подтвердилъ правдоподобность этого слуха тѣмъ, что, когда въ Одессѣ начатъ былъ процессъ противъ названной компаніи, Александръ II приказалъ процессъ прекратить и всѣ фантастическіе счета компаніи уплатить сполна изъ государственныхъ суммъ. Великій князь Николай Николаевичъ зналъ, въ чемъ его обвиняетъ вся Россія. Ясно, что дѣло было не совсѣмъ чисто, ибо иначе онъ не обращался бы къ французскому журналу Nouvelle Revue съ просьбой напечатать его оправдательную статью. Статья эта, въ которой великій князь не только нападалъ на русскихъ министровъ и главнокомандующихъ, но и раскрылъ массу ихъ ошибокъ и злоупотребленій, произвела, конечно, величайшую сенсацію во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Русскій военный министръ отвѣтилъ въ томъ же журналѣ, въ свою очередь, оправдательной статьей, и только русскій народъ, огражденный двойной стѣной пограничной и внутренней цензуры, не дол-

женъ былъ ничего знать объ этой единственной въ своемъ родѣ полемикѣ. Послѣдовавшая затѣмъ отставка великаго князя Николая Николаевича, бывшаго командиромъ гвардейскаго корпуса, и немилость, въ которую онъ впалъ, когда черезъ годъ вступилъ на престолъ Александръ III, подтвердили лишній разъ русскому народу, что упомянутый слухъ не былъ лишенъ значительной доли правды. Но, мы отклонились нѣсколько въ сторону. Мы хотѣли отмѣтить, что приказъ Александра II о прекращеніи процесса компаніи Грегоръ-Конъ-Горвицъ послѣдовалъ уже значительно позже того, какъ тотъ же Александръ реформировалъ русскій судъ. По совѣту графа Валуева, еще въ 1862 г., Александръ отдѣлилъ вѣдомство юстиціи отъ административнаго вѣдомства. Въ концѣ же 1864 г. введены были новые суды, дѣлившіеся на мировые суды и окружные суды. Судебный авторитетъ освобожденъ былъ отъ всякой связи съ законодательной, административной или исполнительной властью, но освобожденіе это носило и носитъ до сихъ поръ одинъ лишь внѣшній характеръ. Казалось бы, что при существованіи мировыхъ судей и ми-

ровыхъ посредниковъ, суда присяжныхъ и суда сословныхъ представителей, мировыхъ съѣздовъ и судебныхъ палатъ можно было бы всѣ проступки и преступленія передать въ вѣдѣніе той или иной судебной категоріи. Но проступки печати предоставлены были по прежнему вѣдѣнію администраціи, какъ равно и надъ политическими преступниками господствовалъ по прежнему грубѣйшій и величайшій произволъ. Судъ скорый для нихъ не существовалъ, ибо мѣсяцами и годами длилось не только слѣдствіе, но даже и ожиданіе ими слѣдствія. Судъ гласный для нихъ не существовалъ, ибо гдѣ-то въ тиши прокурорскихъ и жандармскихъ канцелярій совершается судъ надъ политическими и произносятся приговоры надъ ними. Нѣтъ для нихъ и суда милостиваго, ибо произволъ и капризъ вполнѣ замѣняли и замѣняютъ право и законность. А такъ какъ власть осталась попрежнему въ безконтрольныхъ рукахъ администраціи, то она сумѣла всѣ тѣ процессы, которые были для нея такъ или иначе не совсѣмъ удобны, окончательно похерить или же подводить подъ категорію процессовъ политическаго характера. Гласность новаго

суда была тѣмъ болѣе проблематичной, что Александръ, никогда не имѣвшій энергіи и силы воли, чтобы довести начатое дѣло до конца, далъ министру юстиціи право назначать любой процессъ при закрытыхъ дверяхъ. Самого себя и своихъ преемниковъ онъ надѣлилъ правомъ постановлять, чтобы и приговоры по тѣмъ или инымъ процессамъ не были публичны. Все это, какъ и полная зависимость судей отъ администраціи и своего прямого начальства, повели къ тому, что судебная реформа оказалась какимъ-то недоноскомъ. Впрочемъ, какъ мы видѣли выше и какъ мы еще увидимъ ниже, подобными же недоносками было все то, къ чему ни прикладывалъ свою руку безвольный Александръ II.

Возьмемъ хотя бы введенное имъ городское и земское самоуправленіе. Этого самоуправленія ждала и жаждала вся Россія, — конечно, самоуправленія государственнаго и законодательнаго. Но о введеніи парламентскаго режима Александръ и слышать не хотѣлъ. Онъ лично былъ даже противъ того, чтобы крестьянамъ, горожанамъ и земствамъ дана была хотя бы иллюзія самоуправленія. Нѣкоторыя лица, имѣвшія на

него вліяніе, съумѣли, однако, убѣдить его, что центральная власть не можетъ изъ Петербурга руководить разными мелкими дѣлами и вопросами, интересующими мелкіе города, и что понадобилась бы цѣлая армія чиновниковъ, чтобы дать возможность администраціи управлять всѣмъ колоссальнымъ количествомъ крестьянскихъ общинъ. Александръ пѣлъ съ чужого голоса въ отвѣтъ, что русскій народъ еще не дорось до самоуправленія, но вмѣсто единственнаго логическаго вывода: поднять культурный и умственный уровень русскаго народа, рѣшено было принципъ самоуправленія приспособить къ русскимъ условіямъ. Иными словами, народу дана была лишь иллюзія самоуправленія и создана была цѣлая армія чиновниковъ различнаго ранга, надзирающихъ за самоуправленіемъ, контролирующихъ его и, главнымъ образомъ, препятствующихъ ему. Такъ, низшіе административные чины всегда могутъ воспрепятствовать приведенію въ исполненіе рѣшеній, принятыхъ на волостномъ сходѣ; земское самоуправленіе было и останется пустымъ звукомъ до тѣхъ поръ, пока губернаторы будутъ имѣть право налагать свое

veto на любое рѣшеніе и постановленіе; въ видѣ тормаза для городского самоуправленія созданы присутствія по городскимъ дѣламъ, какъ равно губернаторы и градоначальники имѣютъ всегда возможность наложить свою тяжелую руку на принятыя рѣшенія. Одновременно съ этимъ жалкимъ подобіемъ самоуправленія Александръ вводилъ и реформу административнаго раздѣленія Россіи съ единственной и очевидной цѣлью подчинить все и вся центральной власти. Опасаясь вліянія интеллигентныхъ людей на крестьянъ, Александръ возможно сильнѣе старался разграничить сословія. Такъ, напр., постановленія волостныхъ сходовъ обязательны только для крестьянъ, но не для дворянъ, духовенства, мѣщанъ и купцовъ, какъ равно участіе въ волостныхъ сходахъ предоставлено исключительно крестьянамъ. Тѣмъ же, кто могъ бы разъяснить народу всѣ противорѣчія подобныхъ реформъ, всю ихъ фальшь и ничтожную пустоту, не дано было никакой возможности высказать свои мысли печатно и публично. На языкѣ Александра и его министровъ это, однако, называлось реформой законовъ о печати. Остановимся вкратцѣ и на ней.

Предварительная цензура существовала въ обѣихъ столицахъ до 1865 г. Надо правду сказать, она не доходила до такихъ абсурдовъ и такого насильничества, какъ при Николаѣ, но и она не могла воспрепятствовать тому расцвѣту литературы и публицистики, который былъ особенно великъ въ 60-ые годы. Это меньше всего нравилось Александру и его окружающимъ. Съ 1867 г. цензура опять начала справлять свои дикія оргіи и, не имѣя возможности окончательно искоренить вольный духъ русскихъ публицистовъ, великіе реформаторы придумали очень милое средство: три мѣсяца подрядъ петербургская почта не отправляла въ провинцію никакихъ газетъ. До 1863 г. дѣла печати были подвѣдомственны министру внутреннихъ дѣлъ. Реформа, введенная два года спустя, создала особое главное управленіе по дѣламъ печати. Нечего сказать, недурная это была реформа: съ одной стороны столичную прессу освободили отъ предварительной цензуры, но съ другой стороны ввели систему трехъ предостереженій и для надзора за проступками печати обратили названное главное управленіе по дѣламъ печати въ настоящій полицейскій

институтъ. Но и это казалось кой-кому слишкомъ либеральной реформой, и имъ не трудно было повліять на уступчиваго Александра, чтобы Валуеву, давшему печати свободу, предложено было выйти въ отставку. Вмѣсто него министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Александромъ совершенно неспособный генералъ-адъютантъ Тимашевъ. Послѣдній, однако, былъ достаточно способенъ, чтобы понимать, что изъ возлюбленнаго монарха при его безволіи можно веревки вить. Онъ предложилъ усилить власть губернаторовъ и полиціи, создать для деревень институтъ конныхъ стражниковъ и т. д. Впослѣдствіи все это было проведено въ жизнь, но съ самаго начала большинство министровъ было противъ подобныхъ реформъ. Комитетъ министровъ, введенный Александромъ въ 1861 г. въ надеждѣ, что министры перестанутъ, наконецъ, ссориться и интриговать другъ противъ друга, отклонилъ также предложеніе объ уничтоженіи сельской общины. Въ высшей степени характерно для безвольнаго Александра то, что онъ позволилъ внести названное предложеніе лицамъ, не имѣющимъ по своему рангу права вмѣши-

ваться въ законодательное дѣло: генералъ-фельдмаршалу князю Барятинскому и начальнику пресловутаго третьяго отдѣленія графу Шувалову. Когда послѣдовалъ на это рѣшительный отказъ комитета министровъ, Барятинскій и Шуваловъ пришли къ Александру и стали называть всѣхъ министровъ измѣнниками, красными и т. д. Но безхарактерный Александръ уже измѣнилъ своимъ любимцамъ и сталъ вполнѣ на сторону министровъ. Мѣнялись министры при Александрѣ II чрезвычайно часто. Когда ему твердили, что нужна либеральная реформа, онъ назначалъ министрами людей не столько способныхъ выработать реформу и провести ее, сколько склонныхъ быть послушными орудіями въ рукахъ его, Александра, коимъ опять таки командовали тѣ или другіе любимцы и временщики. Когда же начинали ему нашептывать о необходимости сократить границы той или другой реформы или же совсѣмъ отмѣнить ее, старые министры впадали въ немилость и назначались новые, которымъ предписывалось начинать обратную перекройку русской государственной жизни. Любимцы и временщики, пользовавшіеся на-

ибольшимъ вліяніемъ на Александра, проводили въ министры и на другіе высокіе посты своихъ родственниковъ и близкихъ людей. Мы уже упомянули, что Александръ создалъ т. н. Совѣтъ министровъ, и эта была, кажется, безсмысленнѣйшая изъ его реформъ. Компетенція этого Совѣта министровъ была не вполнѣ ясна, и его собранія не носили сколько нибудь обязательнаго характера. Въ этомъ Совѣтѣ предсѣдательствовалъ, какъ установилъ Александръ, самъ царь, что равносильно было полной зависимости Совѣта отъ воли и капризовъ императора, который имѣлъ право назначать въ Совѣтъ всѣхъ лицъ, кого онъ пожелалъ. Къ тому же постановленія Совѣта министровъ никогда не публиковались.

Очень мало пользы было бы, впрочемъ, если бы эти постановленія и публиковались. Публиковалъ же Александръ изъ года въ годъ русскій государственный бюджетъ безъ того, однако, чтобы народъ имѣлъ хотя бы малѣйшее вліяніе на распредѣленіе своихъ кровныхъ денегъ или чтобы пресса имѣла возможность критиковать и разбирать государственную роспись. Самое публикованіе государственной росписи совершалось не для

свѣдѣнія обремененнаго и обираемаго русскаго народа, но для Западной Европы, къ которой то и дѣло приходилось прибѣгать съ просьбами о займахъ. Поэтому, какъ ни старались русскіе министры финансовъ временъ Александра II перекраивать и прикрашивать государственную роспись, чтобы она имѣла сколько нибудь приличный видъ, дефицитовъ хроническаго характера скрыть было невозможно. Тѣмъ не менѣе, Александръ нашелъ достаточный кредитъ, когда обратился въ 1870 г. къ западно-европейскимъ капиталистамъ съ покорной просьбой о займѣ. Для этого впрочемъ ему и его министрамъ понадобилось сочинить легенду о томъ, будто они собираются расширить сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Когда сумма займа въ двѣнадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ была заполучена въ надежныя руки, Александръ распорядился потратить ее на военныя вооруженія. А надо замѣтить, что и безъ того на войско тратилось свыше 120 милліоновъ рублей ежегодно, т. е. въ 20 разъ больше, нежели на дѣло народнаго просвѣщенія и образованія. Александръ II при вступленіи своемъ на престолъ любилъ го-

ворить, что онъ будетъ миролюбивымъ царемъ Россіи. Не говоря уже о томъ, что этому противорѣчило постоянное и неуклонное увеличеніе русской арміи, Александръ велъ нѣсколько войнъ. Если вскорѣ послѣ его вступленія на престолъ прекратилась Крымская война то это слѣдуетъ приписать не Александру и его иниціативѣ, а тяжелымъ пораженіямъ, заставившимъ Россію униженно просить мира и соглашаться на диктуемыя условія его. Затѣмъ Александръ еще очень много пролилъ крови на Балканскомъ полуостровѣ, на Кавказѣ и въ Польшѣ. И мы нисколько не согрѣшимъ противъ истины, если еще разъ подчеркнемъ, что именно Александръ пролилъ много крови: при русскихъ условіяхъ достаточно было одного его слова, одного мановенія пальцемъ, чтобы это кровопролитіе не имѣло мѣсто. Но Александръ этого властнаго слова не произнесъ: онъ и самъ желалъ расширенія границъ Россіи насильственнымъ путемъ и былъ къ тому же безвольной игрушкой въ рукахъ окружавшихъ его совѣтниковъ и любимцевъ.

Къ великому счастью для русскаго народа, въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шести-

десятыхъ годовъ съумѣли пріобрѣсти большое вліяніе на Александра нѣкоторые либеральные, честные и энергичные люди, искренно желавшіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, настойчиво проводившіе его и дѣйствительно добившіеся того, что съ 24 милліоновъ людей пали цѣпи рабства. Но это дѣло не рукъ Александра, чья роль свелась къ подписи манифеста и новыхъ законоположеній, а другихъ лицъ, чьи имена вовѣки не забудетъ освобожденный русскій народъ. Мы же здѣсь рисуемъ именно Александра, а не исторію русскаго народа, а къ тому же реформа 19-го февраля 1861 г. слишкомъ велика и свѣтла, чтобы ей было мѣсто въ описанномъ мартирологѣ полуреформъ и полумѣръ, проведенныхъ Александромъ II.

II.

Въ высшей степени характерно, что ни одинъ русскій царь не реформировалъ такъ усиленно Русь, и въ тоже время ни одинъ изъ нихъ не подвергался столь частымъ покушеніямъ. Первое покушеніе на жизнь Александра произведено было 16-го апрѣля 1866 г. Когда онъ прогуливался въ Лѣтнемъ

саду въ Петербургѣ, студентъ Дмитрій Каракозовъ въ удобный моментъ выстрѣлилъ въ него. 15-го сентября того же года Каракозовъ былъ повѣшенъ, а всѣ его товарищи были сосланы въ Сибирь. Ушли туда, конечно, десятки невинныхъ людей, почему-либо непріятныхъ правительству. Въ коммиссіи, которой поручено было разслѣдованіе покушенія, предсѣдателемъ назначенъ былъ графъ Муравьевъ, извѣстный своими звѣрскими жестокостями. Онъ хотѣлъ во чтобы то ни стало изъ покушенія единичной личности создать широко развѣтвленный заговоръ и стремился даже впутать въ него великаго князя Константина. Очернить послѣдняго въ глазахъ Александра Муравьеву не удалось, но покушенія на него царь не оставилъ безъ послѣдствій. Началось, конечно, съ несчастной печати, свободу которой Александръ сократилъ рескриптомъ 13-го мая. Своего любимца князя Долгорукаго Александръ обвинилъ въ томъ, что онъ не сумѣлъ предотвратить покушеніе, такъ какъ не сумѣлъ заранѣе раскрыть, какимъ образомъ Герценъ поддерживалъ сношенія со всѣмъ тѣмъ, что было свободнаго и свободомыслящаго въ Рос-

сіи. Князь Долгорукій вышелъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ былъ начальникомъ третьяго отдѣленія упомянутый уже выше графъ Шуваловъ. Послѣдній хорошо понималъ, чѣмъ онъ можетъ въ данный моментъ отличиться и выслужиться, и онъ быстро «раскрылъ» заговоръ и заговорщиковъ. Сотни невинныхъ людей погибли въ тюрьмахъ и крѣпостяхъ, но зато графъ Шуваловъ пріобрѣлъ такую силу и вліяніе, что его стали называть, согласно его имени, Петромъ IV. Шуваловъ дѣйствительно сконцентрировалъ всю государственную власть въ своихъ рукахъ, и со дня на день ожидали, что Александръ назначитъ его канцлеромъ вмѣсто стараго князя Горчакова. Пока что у Шувалова было много хлопотъ: Александръ собирался на всемірную выставку въ Парижѣ, и Шуваловъ долженъ былъ принять всѣ мѣры для охраны его особы по пути и въ столицѣ Франціи. Парижъ наводненъ былъ русскими шпіонами, парижская полиція и войска поставлены были до послѣдняго человѣка на ноги, но когда Александръ возвращался 6-го іюня 1867 г. вмѣстѣ съ Наполеономъ III съ какого-то смотра, полякъ Березовскій далъ

второй выстрѣлъ по Александру. И на этотъ разъ Александръ остался цѣлъ и невредимъ, покушавшійся же на его жизнь Березовскій былъ приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ. Его поступокъ легче всего было объяснить жаждой мести со стороны поляковъ, но, къ сожалѣнію, русское общество придерживалось въ то время того взгляда на польскую политику русскаго правительства, какой проповѣдывался Катковымъ и его единомышленниками. Извѣстно, что появленіе извѣстныхъ статей Каткова повліяло неблагопріятнымъ образомъ на распространеніе въ Россіи Колокола, проповѣдовавшаго миролюбивое и дружелюбное отношеніе къ полякамъ. Временное прекращеніе Колокола черезъ мѣсяцъ послѣ покушенія Березовскаго также ставили въ связь съ возмущеніемъ русскаго общественнаго мнѣнія противъ Герцена. Но Колоколъ возобновился и находилъ себѣ по прежнему доступъ негласными путями въ Россію. А тамъ не только молодежь, но и старики зачитывались Колоколомъ, и вліяніе Герцена на умы было чрезвычайно велико. Одинъ заговоръ составлялся за другимъ, недовольство росло изо дня въ день и захватывало все

болѣе широкіе круги, тамъ и сямъ доходило до открытыхъ демонстрацій, но слѣдствіемъ всего этого были все новыя и новыя жертвы. Тѣмъ временемъ наростала въ Россіи крупная революціонная партія. Сначала всѣ члены ея были единодушны, но въ 1876 г. одна группа нашла программу тайной партіи недостаточно радикальной. Отдѣлившись отъ своихъ товарищей, эта группа основала особую самостоятельную партію, органомъ которой было періодическое изданіе «Земля и воля». Но нашлись смѣльчаки, которые находили, что программа новой партіи все еще слишкомъ слаба и мягка. Въ серединѣ 1878 г. они выдѣлились въ особую группу подъ названіемъ Партіи террористовъ. Программа ея ясно была уже выражена въ этомъ имени, и, дѣйствительно, органъ этой партіи Народная воля, расходившійся въ весьма значительномъ количествѣ экземпляровъ, проповѣдовалъ насиліе надъ насильниками, терроръ и цареубійство. Почва для этой партіи была превосходно подготовлена руками царя и его правительства. Недовольство полуреформами, новыми стѣснительными ограниченіями и жестокимъ искорененіемъ всего свободнаго

и либеральнаго охватило весьма широкіе круги и, казалось, достигло своего апогея. Происходившіе въ различныхъ мѣстахъ поджоги, демонстраціи, ловкіе побѣги и т. д. приписывались народомъ Партіи террористовъ. Слава ея росла, а вмѣстѣ съ ней росло количество активныхъ и пассивныхъ приверженцевъ ея. Полиція и жандармерія свирѣпствовали съ удесятеренными силами и съ небывалой жестокостью. Такъ, напр., Боголюбовъ, осужденный на каторжныя работы, былъ по приговору градоначальника подвергнутъ розгамъ еще на мѣстѣ, въ Петербургѣ. Все петербургское общество было возмущено подобной гнусностью. Вѣра Засуличъ, сама не мало пострадавшая отъ произвола петербургской полиціи, отправилась въ канцелярію градоначальника генерала-адъютанта Трепова и, передавая ему прошеніе, выстрѣлила въ него изъ револьвера. Пуля проскользнула мимо градоначальника, Засуличъ же была на мѣстѣ арестована и предана суду. Общественное мнѣніе не только всего Петербурга, но и всей Россіи было на сторонѣ Вѣры Засуличъ. Ее называли новой Шарлоттой Кордэ, и одна весьма высоко-

поставленная дама воскликнула даже, что она хотѣла бы имѣть подобную дочь. Процессъ Вѣры Засуличъ разоблачилъ массу произвола и безобразій, творимыхъ петербургской полиціей, и при всеобщемъ ликованіи присяжные вынесли Вѣрѣ Засуличъ оправдательный приговоръ. Александръ, которому немедленно доложили объ исходѣ суда, приказалъ вторично арестовать Вѣру Засуличъ, но напрасно Треповъ со своими жандармами обыскали и обшарили весь Петербургъ: Вѣры Засуличъ и слѣдъ простылъ.

Слѣдствіемъ ея процесса была отставка петербургскаго градоначальника Трепова и тогдашняго министра юстиціи графа Палена. На ихъ посты назначены были новые, не менѣе жестокіе насильники, и Партія террористовъ меньше всего, конечно, считала свое дѣло законченнымъ. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ оправданія Вѣры Засуличъ совершено было покушеніе на ректора кіевскаго университета Матвѣева. Черезъ самое короткое время въ томъ же Кіевѣ убитъ былъ среди бѣла дня баронъ Гейкингъ, мѣстный жандармскій полковникъ. Его поразилъ ударъ кинжаломъ, какъ равно кинжаломъ же былъ

убитъ въ Петербургѣ на одной изъ площадей генералъ Мезенцевъ, всѣми ненавидимый начальникъ третьяго отдѣленія. Незадолго до убійства Мезенцеву былъ присланъ смертный приговоръ отъ имени Партіи террористовъ, которая была замѣчательно организована и выказала необычайную, желѣзную дисциплину. Жандармерія изъ опасенія, что послѣднія убійства еще болѣе увеличатъ популярность и ореолъ этой партіи, старалась отнять у названныхъ убійствъ всякій политическій характеръ, но ближайшій номеръ Народной воли оповѣстилъ, что оба эти убійства были рѣшены и выполнены исполнительнымъ комитетомъ партіи. Несмотря на всѣ усилія полиціи и жандармеріи, имъ не удалось схватить убійцъ. И хотя одинъ политическій процессъ слѣдовалъ за другимъ, одинъ приговоръ, выносимый судомъ, былъ еще болѣе жестокъ, нежели другой, сотни невинныхъ жертвъ шли въ Сибирь, нѣкоторые захваченные участники организаціи стоически не выдавали товарищей, а остальные продолжали свое дѣло террора. Въ ночь съ 21-ое на 22-ое февраля 1879 г. какой-то замаскированный человѣкъ выстрѣломъ изъ револьвера застрѣлилъ харьковскаго

губернатора князя Крапоткина, двоюроднаго брата извѣстнаго русскаго революціонера. Это была месть за жестокую расправу Крапоткина во время послѣднихъ студенческихъ безпорядковъ въ Харьковѣ, и до чего сильно и широко было развѣтвленіе партіи народовольцевъ показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что во многихъ городахъ расклеены были на стѣнахъ афиши, возвѣщавшія о новомъ тріумфѣ партіи. Черезъ самое короткое время новые выстрѣлы были направлены въ новаго начальника третьяго отдѣленія генерала Дрентельна, и въ кіевскаго губернатора генерала Черткова. Не успѣла вся оффиціалная Россія опомниться отъ паники, какъ уже снова произведено было покушеніе на жизнь Александра.

Говорятъ, что Александръ, въ противоположность своему отцу, не боялся покушеній и смѣло глядѣлъ въ глаза будущему. Это, конечно, одна легенда, ибо иначе онъ не позволилъ бы окружать себя стѣной солдатъ, жандармовъ и шпіоновъ. Когда онъ прогуливался на площади, что лежитъ передъ Зимнимъ дворцомъ, полиція заранѣе очищала всю площадь отъ публики и оцѣпляла ее со

всѣхъ сторонъ. Но коллежскому регистратору Александру Соловьеву удалось 14-го апрѣля 1879 г. проникнуть на площадь и выпустить одну за другою пять пуль въ прогуливавшагося Александра. Въ страхѣ бѣжалъ онъ къ себѣ во дворецъ, Соловьевъ же былъ схваченъ и повѣшенъ. Но партія Народной воли и теперь еще не потеряла энергіи и мужества. Александръ рѣшилъ принять крайнія мѣры и снабдилъ между прочимъ неограниченными полномочіями генералъ-губернаторовъ Москвы, Варшавы и Кіева. Въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ созданы были новыя генералъ-губернаторства, и назначенные туда генералъ-губернаторы снабжены были опять таки весьма широкими полномочіями. Право власти опьянило бравыхъ генераловъ, попавшихъ въ администраторы: они хозяйничали словно въ военное время. Сотни гибли въ тюрьмахъ, сотни ссылались въ Сибирь, нѣкоторыя отдѣльныя лица были даже повѣшены, какъ то имѣло мѣсто въ Кіевѣ и Одессѣ. Въ Петербургѣ настолько потеряли голову, что установили полицейскій надзоръ за каждымъ отдѣльнымъ домомъ. Террористы тѣмъ временемъ сосредоточили свою дѣятельность

въ Москвѣ, готовясь взорвать вблизи Москвы поѣздъ, въ которомъ Александръ долженъ былъ проѣхать изъ Петербурга. Взрывъ, дѣйствительно, удался въ намѣченный часъ и минуту, но Александръ, какъ оказалось, проѣхалъ въ Москву однимъ поѣздомъ раньше. Это было 1-го декабря 1879 г. На слѣдующій день Александръ въ бесѣдѣ съ московскими властями выразился въ томъ смыслѣ, что нужно лучше и глубже воспитывать юношество, ибо только этимъ путемъ можно искоренить злой духъ анархіи. Александръ забывалъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ юношествомъ, а съ зрѣлыми людьми, полными мужества и энергіи. Уже черезъ два дня исполнительный комитетъ народовольцевъ объявилъ народу повсюду развѣшанными плакатами слѣдующее: Александръ является тѣмъ лицомъ, на которомъ держится все, что есть реакціоннаго въ Россіи; онъ узурпировалъ права народа, онъ виновникъ и иниціаторъ всѣхъ тѣхъ смертныхъ приговоровъ, которые были вынесены и приведены въ исполненіе; за всю имъ пролитую кровь, за всѣ безграничныя страданія, причиненныя имъ народу, онъ заслуживаетъ смерть. Партія же На-

родной воли стремится къ общему благу и ставитъ своей цѣлью достиженіе того, чтобы русскій народъ сталъ властелиномъ надъ своими судьбами. Если же Александръ добровольно откажется отъ власти, передавъ ее въ руки парламента изъ избранныхъ народомъ депутатовъ, исполнительный комитетъ выражалъ готовность простить ему всѣ его прегрѣшенія и оставить его въ покоѣ. Можно себѣ представить, какъ велика была паника, произведенная подобнымъ плакатомъ на Александра и окружавшихъ его. Они уже не прочь были изъ видовъ самосохраненія пойти на уступку, но стыдились сознаться въ этомъ другъ другу. Такимъ образомъ, все осталось по прежнему съ тою лишь разницей, что вмѣсто сотенъ невинныхъ жертвъ царизма ихъ стало уже тысячи. А тѣмъ временемъ партія Народной воли выработала и опубликовала свою программу. Партія требовала народнаго представительства, самоуправленія, всеобщаго избирательнаго права, замѣны войска милиціей и полной свободы совѣсти, слова, печати, организаціи и собраній. Въ томъ же оповѣщеніи говорилось, что партія будетъ продолжать свою террористическую дѣятельность,

чтобы еще болѣе понизить престижъ правительства и насадить въ народѣ революціонный духъ и вѣру въ конечный успѣхъ партіи. Въ заключеніе говорилось, что Александръ будетъ убитъ еще до своего двадцатипятилѣтняго юбилея, предстоящаго 2-го марта 1880 г. Александръ, которому не могли не донести объ ожидавшей его опасности, распорядился, чтобы заговорщики были схвачены живыми или мертвыми. Полицейскіе и жандармы перевернули вверхъ дномъ весь Петербургъ, но нашли только нѣсколько тайныхъ типографій, заговорщики же открыто ходили по улицамъ города, собирались на совѣщанія и подготовляли новое покушеніе. Планъ былъ затѣянъ чрезвычайно смѣлый. 17-го февраля долженъ былъ пріѣхать болгарскій князь, въ честь котораго былъ назначенъ завтракъ. Заговорщики и рѣшили, пробравшись заблаговременно въ Зимній дворецъ, взорвать обѣденный залъ въ тотъ моментъ, когда вся царская семья вмѣстѣ съ гостемъ соберется тамъ за завтракомъ. Взрывъ, дѣйствительно, послѣдовалъ въ заранѣе намѣченный моментъ, но Александръ съ семьей и свитой находились еще на вокзалѣ, такъ

какъ поѣздъ съ болгарскимъ княземъ опоздалъ. Обѣденный залъ былъ разрушенъ, точно также расположенное подъ нимъ караульное помѣщеніе. При этомъ 60 солдатъ было убито и 40 ранено. Можно себѣ, конечно, легко вообразить панику во дворцѣ и ужасъ, охватившій Александра, когда онъ съ гостемъ пріѣхалъ съ вокзала домой. Вмѣсто того, чтобы пойти на уступки и выполнить волю народа, Александръ придумалъ новую, какъ ему казалось, спасительную мѣру. Черезъ семь дней послѣ взрыва онъ отмѣнилъ петербургское генералъ-губернаторство и назначилъ высшую исполнительную коммиссію подъ предсѣдательствомъ и начальствомъ графа Лорисъ-Меликова. Александръ не только далъ ему диктаторскія полномочія, но и назначилъ его одновременно начальникомъ третьяго отдѣленія вмѣсто генерала Дрентельна. Со страхомъ и ужасомъ глядѣлъ онъ въ будущее и съ душевнымъ трепетомъ ожидалъ черезъ пять дней двадцатипятилѣтняго юбилея своего царствованія.

Основной чертой характера Александра II была скромность и кротость, и въ его глазахъ, какъ увѣряютъ его современники, можно было

прочесть только доброту и любовь. Позже выраженіе глазъ его стало меланхоличнымъ, и окружавшіе его не разъ слышали отъ него горькія жалобы на ту неблагодарность, какую онъ встрѣтилъ со стороны русскаго народа. Онъ не понималъ, что въ этой неблагодарности онъ одинъ былъ виною. Если бы не его нерѣшительность и половинчатость, если-бы онъ проводилъ свои реформы послѣдовательно до конца и не позволялъ бы попирать ихъ ногами всякимъ министрамъ, администраціи и чиновникамъ, если бы онъ правильнѣе понималъ свое призваніе монарха и не смотрѣлъ на русскій народъ какъ на милліонное стадо вѣрноподданныхъ рабовъ, — все было бы иначе.

Любопытно, что въ Россіи вѣками сложилась традиція считать наслѣдника престола болѣе либеральнымъ, гуманнымъ и терпимымъ, нежели царствующій отецъ. Точно такою же иллюзіей тѣшилъ себя русскій народъ, возлагая какія то надежды на наслѣдника Николая Александровича. Но послѣдній въ молодые годы заболѣлъ опасно не то чахоткой, не то сухоткой и умеръ 24-го апрѣля 1865 г. въ Ниццѣ. Онъ оставилъ горюющими по себѣ

не только глубоко опечаленныхъ родителей, но и невѣсту, датскую принцессу Дагмару. До чего велико было ея горе и искренняя любовь къ умершему жениху, показываетъ то обстоятельство, что изъ жажды власти, блеска и могущества она вышла вскорѣ замужъ за новаго наслѣдника Александра Александровича и стала впослѣдствіи русской императрицей подъ именемъ Маріи Ѳедоровны. Нельзя, конечно, сказать сколько-нибудь опредѣленно, каковы были бы судьбы Россіи и русскаго народа, если-бы старшій сынъ Александра II остался въ живыхъ и сталъ бы царемъ. Во всякомъ случаѣ Марія Ѳедоровна играла бы, вѣроятно, болѣе значительную роль, ибо суровый, настойчивый Александръ III желалъ властвовать надъ Россіей, давить и угнетать ее безраздѣльно. Лишь по смерти мужа, когда на престолъ вступилъ безвольный и слабохарактерный сынъ, исполнилась, наконецъ, завѣтная мечта Маріи Ѳедоровны о власти и мощи.

Что касается супруги Александра II, то смерть старшаго сына огорчила ее весьма глубоко. Она искала утѣшенія въ молитвѣ и благочестіи, но попала при этомъ въ руки

своего духовника попа Бажанова, котораго въ этомъ отношеніи поддерживали упомянутая выше графиня Блудова и Наталія Протасова. Сначала императрица Марія жила съ супругомъ въ мирѣ и согласіи, но въ шестидесятыхъ годахъ Александръ сталъ частенько измѣнять женѣ. Хотя у нихъ было много дѣтей и нѣкоторыя изъ послѣднихъ уже были взрослыми, Александръ не могъ устоять ни передъ одной красивой женщиной, пріѣзжавшей ко двору. Побѣждать ихъ сердца и имѣть ихъ къ своимъ услугамъ было для возлюбленнаго монарха дѣломъ довольно легкимъ. Но вотъ Александръ въ 1868 г. влюбляется по уши въ молодую княгиню Екатерину Долгорукую. Любовь быстро возгорѣлась въ страсть, страсть же нашла себѣ удовлетвореніе въ любовной связи. Весь Петербургъ видѣлъ, какъ изо дня въ день Александръ ѣздилъ въ гости къ княгинѣ Долгорукой, и всѣ прекрасно знали, что онъ прижилъ съ нею дѣтей. Послѣ февральскаго покушенія въ 1880 г. Александръ уже боялся ѣздить по улицамъ и перевезъ княгиню Долгорукую къ себѣ въ Зимній дворецъ, гдѣ она жила такимъ образомъ подъ одной кровлей съ императрицей Маріей, за-

конной женой Александра. Послѣдняя, къ тому времени уже женщина больная и слабая, не могла снести этого позора, и огорченіе отъ невѣрности мужа повліяло неблагопріятно на ходъ ея болѣзни. Она умерла 3-го іюня 1880 г., и отнынѣ руки Александра были въ этомъ отношеніи вполнѣ свободны: несмотря на противодѣйствіе всей его семьи онъ рѣшилъ жениться на княгинѣ Долгорукой. Въ августѣ того же года княгиня Долгорукая подъ именемъ княгини Юрьевской стала законной, хотя и морганатической женой Александра. Теперь она господствовала безраздѣльно въ Зимнемъ дворцѣ, и говорятъ, что Александръ очень любилъ дѣтей, прижитыхъ съ нею, въ особенности же дѣвочку. Всего княгиня Юрьевская имѣла трехъ дѣтей отъ Александра: князя Георга, родившагося 30-го апрѣля 1872 г., служащаго офицеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку, княгиню Ольгу (родилась 9-го ноября 1873 г., вышла 12-го мая 1895 г. замужъ за графа Меренберга) и княгиню Екатерину (родилась 9-го сентября 1878 г.).

Среди дворцовой фронды, протестовавшей противъ вторичнаго брака Александра и пре-

пятствовавшей ему всѣми силами, особенно выдѣлялись наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и его жена. Побуждали ихъ къ этому не заботы о нравственности отца и не опасенія, что скажетъ по этому поводу русскій народъ. Нѣтъ, они опасались лишь, что княгиня Долгорукая, женщина умная и энергичная, заберетъ Александра въ свои руки и будетъ, пожалуй, имъ такъ верховодить, что власть передана будетъ фактически въ руки второй жены и ея сына, когда онъ подростетъ. Властвовать же и царствовать хотѣли они, наслѣдникъ и его жена изъ датскихъ принцессъ. Они добились отъ Александра, чтобы условіемъ его брака на княгинѣ Долгорукой было формальное отреченіе ея отъ всякой политической роли въ Россіи. Когда же послѣ смерти Александра на престолъ вступилъ Александръ III, онъ и его супруга выместили всю свою злобу на княгинѣ Юрьевской и ея дѣтяхъ, сдѣлавъ ихъ положеніе прямо таки несноснымъ. Любопытно, что Александръ III, этотъ суровѣйшій, энергичнѣйшій и наиболѣе самостоятельный реакціонеръ на русскомъ престолѣ, въ бытность свою наслѣдникомъ

любилъ разыгрывать изъ себя либерала. Онъ фрондировалъ противъ отца, кокетничалъ съ славянофилами, возбуждая у панславистовъ большія надежды, любилъ выдавать себя, въ противоположность отцу, чрезвычайно набожнымъ человѣкомъ и подчасъ дѣлалъ видъ, будто симпатизируетъ тѣмъ, кто требовалъ конституціи. Александръ относился въ общемъ къ сыну хорошо и особенно уважалъ его за его презрительное отношеніе ко всеобщей подкупности, въ каковой повинны были даже нѣкоторые члены императорской семьи. Послѣ русско-турецкой войны Александръ однажды обратился къ сыну со словами:

— Я опасаюсь, что въ этой милѣйшей компаніи мы съ тобою единственные честные люди.

Александръ любилъ собирать вокругъ себя придворное общество. Онъ былъ радушный и добродушный хозяинъ, и при его дворѣ цѣпи этикета не были особенно тяжелы. Но сынъ-наслѣдникъ старался держаться подальше отъ отца, ибо его коробило слащавое и вольное обращеніе отца съ дамами. Непріятно ему было и то, что Александръ приказывалъ привозить изъ картинныхъ галлерей картины,

изображавшія обнаженныхъ женщинъ, и развѣшивалъ ихъ у себя въ апартаментахъ. Наконецъ, наслѣдника злило и то, что не онъ пользовался у отца крупнѣйшимъ вліяніемъ, а министръ императорскаго двора графъ Александръ Адлербергъ, котораго даже называли за это въ шутку Александромъ III. Какъ и Владимиръ Адлербергъ, который былъ однимъ изъ первѣйшихъ любимцевъ Николая I, такъ и его сынъ Александръ, преемникъ отца на посту министра императорскаго двора, сумѣлъ сдѣлаться съ теченіемъ времени первымъ наперсникомъ и другомъ Александра II. Первымъ дѣломъ онъ выхлопоталъ для своего брата графа Николая Владимировича тепленькое мѣстечко финляндскаго генералъ-губернатора. Когда на престолъ вступилъ Александръ III, онъ безъ дальнихъ размышленій заставилъ обоихъ братьевъ выйти въ отставку, не давъ имъ никакихъ хотя бы даже почетныхъ постовъ. Но пока былъ живъ Александръ II, называли Александромъ III не его сына и наслѣдника, а тезку послѣдняго графа Адлерберга. Александръ къ этому времени сталъ уже вполнѣ безхарактернымъ человѣкомъ. Для его приближенныхъ не было ничего

легче, какъ руководить имъ, и очень часто они злоупотребляли этимъ въ самой недостойной формѣ. Александръ продолжалъ, однако, съ ними совѣтоваться и совѣщаться безъ конца, и чей совѣтъ былъ имъ выслушанъ позже другихъ, тому онъ имѣлъ обыкновеніе слѣдовать.

Несмотря на то, что Александру угрожали покушеніемъ въ день наступившаго юбилея, его совѣтники и приближенные настаивали на томъ, чтобы онъ пышно отпраздновалъ двадцатипятилѣтіе своего царствованія. Когда Александръ согласился, Зимній дворецъ былъ на этотъ день превращенъ въ вооруженную, неприступную крѣпость. Допущены были только лишь приближенные, члены сената и Государственнаго Совѣта, восхвалявшіе того царя-освободителя, котораго приходилось ограждать отъ народа стѣною штыковъ. Этотъ день прошелъ безъ покушенія, но уже на слѣдующій день Младецкій произвелъ выстрѣлъ въ Лорисъ-Меликова, какъ высшаго представителя исполнительной комиссіи. Младецкій промахнулся, но заявилъ на допросѣ, что, несмотря на его промахъ, Лорисъ-Меликовъ будетъ вскорѣ убитъ. Исполнительный

же комитетъ оповѣстилъ, что онъ будетъ продолжать борьбу всѣми террористическими средствами до тѣхъ поръ, пока Александръ не передастъ свою власть въ руки народа или народныхъ представителей. Но не Александръ властвовалъ теперь въ Россіи, а диктаторъ графъ Лорисъ-Меликовъ. Кавказскій генералъ князь Орбеліани телеграфировалъ Лорису-Меликову: «Иди смѣло на смерть, отстаивая священное дѣло.» Лорисъ-Меликовъ отстаивалъ священное дѣло съ жестокостью, напоминавшей римскія времена. Никто, какъ бы онъ ни былъ безвиненъ или какъ бы высоко ни было его общественное положеніе, не могъ быть въ то время спокоенъ за свою свободу. Лорисъ-Меликовъ имѣлъ полномочіе, если бы онъ этого захотѣлъ, сослать въ Сибирь весь русскій народъ: Александръ подписалъ бы и это, какъ подписывалъ слѣпо все то, что ему ни подкладывалъ Лорисъ-Меликовъ. Внезапно Лорисъ-Меликовъ перемѣнилъ всю свою внутреннюю политику, смѣнивъ гнѣвъ на милость, жестокость на мягкосердечіе. Сотни лицъ, заключенныхъ въ тюрьмы и сосланныхъ въ Сибирь по административному произволу,

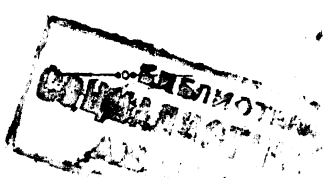
были помилованы, возвращены на родину и получили разрѣшеніе селиться гдѣ угодно, десятки политическихъ процессовъ были якобы пересмотрѣны, чтобы имѣть законный поводъ освободить осужденныхъ и вернуть сосланныхъ. Александра Лорисъ-Меликовъ очень легко уговорилъ, что это повліяетъ на народъ и лишитъ террористовъ народныхъ симпатій. Лорисъ-Меликовъ хотѣлъ изолировать этимъ путемъ группу террористовъ-вожаковъ, но интеллигентная Россія видѣла въ подобныхъ мѣропріятіяхъ лишь оффиціальное подтвержденіе господствовавшихъ раньше жестокостей и произвола. Лорисъ-Меликовъ преслѣдовалъ, однако, свою намѣченную цѣль и посовѣтовалъ Александру уничтожить знаменитое третье отдѣленіе, ненавистное всему русскому народу. Александръ содрогнулся при этой мысли. Онъ указывалъ, что еще только недавно схвачено было нѣсколько заговорщиковъ и раскрытъ заблаговременно цѣлый рядъ покушеній, предполагавшихся по пути затѣянной Александромъ поѣздки. Но Лорисъ-Меликовъ успокоилъ Александра, говоря, что закрытіе третьяго отдѣленія подѣйствуетъ благопріятно и успокоительно на

народъ. Что же касается диктаторской власти и организаціи царской охраны, то ихъ можно втайнѣ сохранить подъ другими кличками. Александръ согласился: 18-го августа 1880 г. пресловутое третье отдѣленіе, причинившее русскому народу бездонное море слезъ, горя и страданій, было похерено, а вмѣстѣ съ нимъ распущена была и высшая исполнительная коммиссія. Въ тотъ же день графъ Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ полномочій и высшаго начальства надъ жандармскимъ корпусомъ. Диктаторство Лорисъ-Меликова продолжалось и теперь, при новыхъ условіяхъ, тѣмъ болѣе что Александръ сталъ все болѣе и болѣе отдаляться отъ государственныхъ дѣлъ, ограничиваясь необходимыми лишь подписями. Между тѣмъ русскій народъ, далеко не успокоенный всѣми этими уступками и перемѣнами, продолжалъ требовать конституціи. Съ одной стороны, о конституціи заговорило даже петербургское дворянство, съ другой стороны — большой ноябрскій процессъ показалъ воочію, какъ глубоко недовольство въ широкихъ народныхъ кругахъ. Лорисъ-Меликовъ сталъ подгото-

влять новую уступку, которая должна была, по его мнѣнію, успокоить умы, не являясь въ то же время сколько нибудь значительной жертвой со стороны правительства и царя. Постепенно и исподволь онъ настроилъ Александра въ томъ смыслѣ, что желательно было бы періодически созывать въ Петербургъ депутатовъ отъ земствъ, чтобы предлагать на ихъ разсмотрѣніе правительственные законопроэкты. Съ одной стороны, доказывалъ Лорисъ-Меликовъ, все это можно будетъ облечь въ такую форму, будто создано представительное собраніе. Съ другой же стороны, за отсутствіемъ надлежащей конституціи съ этими періодическими созывами депутатовъ можно будетъ покончить въ любой моментъ, не говоря уже о томъ, что правительство съумѣетъ всегда провести всяческими путями свои законопроэкты. Александръ согласился и на это. Выработанный законопроэктъ относительно созыва депутатовъ былъ представленъ съ согласія Александра въ совѣтъ министровъ. Это было чрезвычайно торжественное засѣданіе, на которомъ присутствовали также и великіе князья. Лорисъ-Меликовъ, Валуевъ и новый министръ финансовъ Абаза горячо

отстаивали законопроэктъ, который въ концѣ концовъ и прошелъ, ибо всѣ министры заранѣе знали, что всемогущій Лорисъ-Меликовъ настаиваетъ на этомъ. Но когда этотъ законопроэктъ, жалкое подобіе конституціи, былъ одобренъ министрами, безхарактернаго Александра охватили сомнѣнія и колебанія. Лорисъ-Меликовъ быстро замѣтилъ это и сталъ съ новой энергіей вліять на Александра, пока не получилъ его подпись. Это явилось для Александра какъ бы освобожденіемъ отъ тяжелаго бремени. Подписавъ конституцію, онъ уже радовался ей, словно дитя. Собираясь 1-го марта утромъ на военный парадъ, Александръ сказалъ своей женѣ, княгинѣ Юрьевской, что на слѣдующій день конституція будетъ объявлена въ «Правительственномъ вѣстникѣ» и что онъ ждетъ отъ нея самыхъ благопріятныхъ результатовъ. Когда же Александръ возвращался изъ манежа, Рысаковъ бросилъ на Михайловской площади бомбу подъ его экипажъ. Бомба взорвалась, экипажъ разлетѣлся вдребезги, нѣсколько человѣкъ было ранено и убито, и только Александръ остался цѣлъ и невредимъ. Нѣсколько подоспѣвшихъ высокопо-

ставленныхъ лицъ настаивали, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе во дворецъ, но Александръ хотѣлъ освѣдомиться о состояніи раненыхъ. Въ этотъ моментъ была брошена вторая бомба, которая раздробила Александру обѣ ноги и разорвала ему животъ. Немедленно же отнесли его во дворецъ, гдѣ онъ на минуту пришелъ въ сознаніе, но умеръ, не произнесши ни единаго слова. Княгиня Юрьевская срѣзала свои роскошные волосы и положила ихъ на тѣло Александра. Но съ этого момента и ея роль была сыграна: Александръ III сталъ царемъ-самодержцемъ всероссійскимъ, неограниченнымъ властелиномъ надъ стодвадцатимилліоннымъ русскимъ народомъ.



П. Катенинъ. Очерки русскихъ политическихъ теченій. Съ приложеніемъ партійныхъ программъ — м.пф. 2 —

В. Короленко. Домъ № 13. Эпизодъ изъ Кишиневскаго погрома . . . . . 1 —

В. Короленко. Чудная. Лѣсъ шумитъ. Огоньки. 1 —

Кровавое воскресенье въ С.-Петербургѣ 9-го января 1905 г. . . . . . 1 —

А. Л. Смертники. Изъ жизни русской каторги . . 2 —

Е. Лядовъ. Идеалисты русской революціи. Выпускъ I и II . . . . . по 1 —

Матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ.

Томъ II Анна Іоанновна . . . . . 2 —
„ III Елизавета Петровна . . . . . 2 —
„ IV Петръ III . . . . . 2 —
„ VII Екатерина II . . . . . 2 —
„ VIII Павелъ I . . . . . 2 —
„ IX Александръ I . . . . . 2 —
„ X Николай I . . . . . 2 —
„ XI Александръ II . . . . . 2 —
„ XII Александръ III . . . . . 2 —
„ XIII Николай II . . . . . 2 —

Л. Мехелинъ. Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ . . . . . 4 —

Мысли о современномъ положеніи Финляндіи — 80

Н. Новиковъ. Армія и политика . . . . . 1 —

Е. И. Поповъ. Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого . . . . . 3 —

Проѣзжій. Господа черносотенцы . . . . . — 60

В. Райнеръ. „Дарованная“ конституція и контръ-революція . . . . . 1 —

Реусъ. Дни великаго суда германской соціалъ-демократіи 1 80

	м.пф.
Россія и Европа въ историческихъ условіяхъ соціальнаго и политическаго быта . . .	1 25
Салтыковъ-Щедринъ. Топтыгинъ I, Топтыгинъ II, Топтыгинъ III. Сказки для дѣтей изряднаго возраста	1 —
Современникъ. Николай II. Разоблаченія . .	6 —
В. Д. Спасовичъ. Семь судебныхъ рѣчей по уголовнымъ и политическимъ дѣламъ (1877—1887)	5 —
М. Сукенниковъ. Первый конгрессъ русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей	1 —
Сущность и значеніе конституціи графа Лорисъ-Меликова	1 —
Л. Н. Толстой. Возстановленіе ада. Обращеніе къ духовенству	1 —
Л. Н. Толстой. Война и разумъ	— 60
Л. Н. Толстой. Законъ насилія и законъ любви	3 —
Л. Н. Толстой. Исповѣдь	2 —
Л. Н. Толстой. Крейцерова соната. Полное изданіе съ послѣсловіемъ	2 —
Л. Н. Толстой. Николай Палкинъ. Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. Дорого стоитъ .	1 —
Л. Н. Толстой. Офицерская памятка. Солдатская памятка. Письмо къ фельдфебелю	1 —
Л. Н. Толстой. Патріотизмъ и правительство. Противъ войны	1 —
Л. Н. Толстой. Христіанство и патріотизмъ . . .	1 50
Л. Н. Толстой. Царю и его помощникамъ. Отвѣтъ Синоду	— 80
С. Ф. Шараповъ. Двѣ записки о русскихъ финансахъ	1 50
С. Ф. Шараповъ. О русско-финскомъ примиреніи. Письмо къ князю М. М. Андроникову	1 —
С. Ф. Шараповъ. Самодержавіе и самоуправленіе .	1 —

Путеводитель по Берлину	2 —
Путеводитель по Западной Европѣ	3 —

Spamersche Buchdruckerei in Leipzig